

шло отражение в различных памятниках и источниках права, свидетельствующих о неоднозначном отношении к женщине, оценке ее преступного поведения со стороны законодателя, государства и общества. В отдельные исторические периоды женщины-преступницы подвергались особому общественному презрению и тяжким наказаниям со стороны государства. К середине XIX в. наметилось позитивное отношение к условиям отбывания наказания беременных женщин и женщин с грудными детьми, что постепенно привело к значительным изменениям уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, направленным на улучшение их положения в системе назначения и отбывания наказания. Анализ изменений, внесенных в национальное законодательство, свидетельствует о гуманной тенденции относительно форм реализации уголовной ответственности в отношении женщин. Действующие УК и УИК Республики Беларусь воплотили прогрессивные достижения и традиции законодательства Беларуси, России, других стран и содержат качественно новые, более совершенные положения, касающиеся назначения и условий отбывания наказания в отношении беременных женщин и женщин, воспитывающих детей, которые направлены на возможность выполнения ими своих материнских обязанностей.

Библиографические ссылки

1. Анучин, Е.Н. Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. Материалы для уголовной статистики России / Е.Н. Анучин. СПб. : Тип. Майкова, 1873.
2. Беляев, И.Д. История русского законодательства / И.Д. Беляев. СПб. : Лань, 1999.
3. Гернет, М.Н. Преступность за границей и в СССР / М.Н. Гернет. М. : Совет. законодательство, 1931.
4. Остроумов, С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России / С.С.Остроумов. М. : Моск. ун-т, 1980.
5. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. 1984.
6. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 6 : Законодательство в первой половине XIX в. / отв. ред. О.И. Чистяков. 1988.
7. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З.М. Черниловского. М. : Юрид. лит., 1984.
8. Шестакова, А. Преступления против личности / А. Шестакова // Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив) / под ред. А.Г. Белобородова. М. : НКВД РСФСР, 1927.
9. Шпренгер, Я. Молот ведьм / Я. Шпренгер, Г.М. Инститорис. М. : Просвет, 1992.
10. Яковлев, А.М. Теория криминологии и социальная практика / А.М. Яковлев ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М. : Наука, 1985.

А.А. Сёмин, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Анализируются существующие проблемы уголовной ответственности за деяния, предусмотренные в ст. 317-1 УК «Управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)». Вносятся ряд предложений по толкованию и совершенствованию уголовного и административного законодательства. Излагается авторский подход к оценке признаков субъекта указанного преступления, административной преюдиции, отказа от прохождения проверки (освидетельствования), повторности деяний, применению административного взыскания в виде лишения права управления транспортным средством и т. д. Обосновывается необходимость введения административного взыскания в виде запрета управления транспортным средством.

Прошло уже более полутора лет, с тех пор как в Беларуси была восстановлена уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения. За указанный период к уголовной ответственности были привлечены более 2,5 тыс. человек. Между тем в теории и практике до настоящего времени отсутствует как единообразное понимание признаков преступления, предусмотренного ст. 317-1 УК, так и правил его квалификации. В связи с этим вопрос об уголовно-правовой характеристике данного преступления по-прежнему сохраняет свою актуальность.

Согласно ст. 317-1 УК уголовно-наказуемыми являются три альтернативных деяния:

управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ (далее – в состоянии опьянения);

передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения; отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния опьянения.

Под транспортным средством согласно примечанию к ст. 317 УК понимается механическое транспортное средство, предназначенное для движения по дороге и для перевозки пассажиров, грузов или установленного на нем оборудования, а также самоходная машина. Исходя из примечания к транспортному средству относится и мопед – механическое транспортное средство, приводимое в движение двигателем с рабочим объемом до 50 см³ и имеющее максимальную конструктивную скорость движения, определенную его технической характеристикой, не более 50 км/ч.

Под управлением транспортным средством согласно п. 2.74 Правил дорожного движения понимается воздействие на органы управления транспортного средства, приведшее к изменению его положения относительно первоначального. Таким образом, есть основания для признания управлением действий лица, находящегося на пассажирском сидении, которое кратковременно выхватило руль у водителя, что привело к изменению направления движения и, например, дорожно-транспортному происшествию.

Управление имеет место независимо от того, своим ходом движется транспортное средство или его перемещение осуществляется путем буксировки. Нахождение лица на водительском месте транспортного средства не является управлением, однако при наличии достаточных оснований (включенный двигатель, неудачная попытка тронуться с места и т. д.) может быть расценено как покушение на преступление.

Передача управления транспортным средством выражается в даче разрешения владельцем транспортного средства на управление этим средством другому лицу, заведомо для виновного находящемуся в состоянии опьянения или под воздействием одурманивающих веществ. Разрешение может даваться как словесно, так и конклюдентными действиями, например путем передачи ключей от автомобиля или путем молчаливого согласия на управление (невоспрепятствованием управлению при наличии такой возможности).

Для квалификации содеянного не имеет значения место, где состоялась передача управления; находился ли в момент управления виновный в транспортном средстве или вне его. Ответственности по анализируемой статье подлежит и лицо, неправоммерно завладевшее транспортным средством (фактический владелец).

Состояние опьянения устанавливается путем медицинского освидетельствования, порядок проведения которого предусмотрен соответствующими актами Министерства здравоохранения Республики Беларусь [6; 7]. Вместе с тем не исключается возможность определения состояния опьянения лица на основе свидетельских показаний и иных доказательств (например, когда виновный скрылся с места происшествия). Следует также отметить, что поскольку опьянение является конструктивным признаком рассматриваемого преступления, его согласно ч. 3 ст. 64 УК не следует дополнительно рассматривать в качествеотягчающего ответственность обстоятельства.

И управление, и передача управления считаются окончанным преступлением с момента начала движения транспортного средства безотносительно от его продолжительности и последствий (формальный состав преступления). Однако если указанные действия послужили условием наступления последствий, предусмотренных в ст. 317 либо 318 УК, возникает вопрос о квалификации содеянного. Поскольку преступление, предусмотренное в ст. 318 УК, прямо предусматривает деяние в виде допуска к управлению транспортным средством лица, находящегося в состоянии опьянения, то по правилам конкуренции части и целого все содеянное подлежит квалификации только по соответствующей части ст. 318 УК.

Аналогичное решение предлагается в специальной литературе и применительно к управлению транспортным средством в состоянии опьянения, связанному с причинением последствий, указанных в ст. 317 УК: все содеянное рекомендуется квалифицировать только по данной статье без дополнительной ссылки на ст. 317-1 [8, с. 62]. Такое же разъяснение в свое время дал пленум Верховного суда СССР в п. 12 постановления от 6 октября 1970 г. [5].

Однако, по нашему мнению, нахождение в состоянии опьянения не влечет непосредственно вредные последствия, указанные в ст. 317 УК, а является лишь условием к нарушению правил дорожного движения, которое, в свою очередь, становится непосредственной причиной наступления вреда. В связи с этим ответственность виновного должна наступать по совокупности преступлений, предусмотренных в ст. 317-1 и 317 УК. Отметим, что пленум Верховного суда СССР в 1984 г. пришел к такому же выводу, соответствующим образом изменив первоначальную редакцию п. 12 постановления от 6 октября 1970 г.

Последнее из деяний, влекущих ответственность по ст. 317-1 УК, – это отказ лица от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния опьянения. Данное деяние выражается в отказе освидетельствуемого от выполнения инструкций *врача* (курсив наш. – А.С.), направленных на выявление признаков опьянения, а также, если это предусмотрено соответствующим нормативным актом, – в отказе от сдачи биологических объектов для их лабораторного исследования, что должно быть зафиксировано в протоколе освидетельствования [6].

Это нормативно закрепленное положение ставит под сомнение обоснованность практики фиксации анализируемого деяния исключительно сотрудниками ОВД в отсутствие медицинского работника и нуждается в уточнении (например, замене слова «врача» на «уполномоченного лица»). Помимо этого в литературе содержится обоснованная критика равной наказуемости отказа лица от прохождения освидетельствования и управления транспортным средством в состоянии опьянения, несмотря на существенное различие в общественной опасности данных деяний [8, с. 63].

В настоящее время решение данных проблем видится в принудительном освидетельствовании лиц, заподозренных в употреблении алкоголя или иных одурманивающих веществ, на основании ч. 4 ст. 10.14 ПИКоАП. В необходимых случаях виновные, оказавшие сопротивление их доставлению в медицинское учреждение, должны также привлекаться к ответственности по ст. 363 УК «Сопротивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющим общественный порядок».

Все иные деяния, хотя и связанные с использованием транспортного средства в состоянии опьянения, но не посягающие непосредственно на безопасность дорожного движения, например производство уборочных, строительных, погрузочно-разгрузочных работ, не могут влечь ответственность по ст. 317-1 УК и подлежат, как правило, при наличии вредных последствий, квалификации по статьям о преступлениях против безопасного производства работ, жизни, здоровья, собственности и др.

Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности за каждое из рассмотренных деяний является административная преюдиция: уголовная ответственность наступает лишь в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения.

Обоснованность использования административной преюдиции в качестве признака преступлений носит в уголовно-правовой науке дискуссионный характер. Как известно, большинство государств – участников СНГ отказались от данного признака, основываясь преимущественно на том, что количество совершенных правонарушений не может свидетельствовать об увеличении их общественной опасности до уровня, присущего преступлению, и что данный признак в большей мере характеризует не содеянное, а личность виновного.

Не вдаваясь в дискуссию относительно теоретической обоснованности данного признака, рассмотрим проблемы, возникающие в связи с его наличием в практике квалификации ст. 317-1 УК.

Так, в практике неоднозначно расценивается совершение лицом третьего и последующих нарушений из числа предусмотренных в диспозициях норм ст. 317-1 УК. Например, когда лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по ст. 317-1 УК, в период расследования по делу или после направления дела в суд, но до принятия по нему окончательного решения, снова уличается в управлении транспортным средством в нетрезвом состоянии.

В одних случаях органы предварительного расследования и суды расценивали третье нарушение как самостоятельное, повторно совершенное преступление, в других – лишь как административный проступок.

Правильное решение описанной проблемы, по нашему мнению, следует связывать с вопросом о том, к какому элементу состава преступления относится административная преюдиция. Приверженцы первой позиции, как представляется, исходят из того, что преюдиция – признак, характеризующий субъект преступления как лицо, подвергнутое мерам административного взыскания за аналогичное нарушение (специальный субъект). Соответственно, в годичный период с момента наложения административного взыскания, каждое последующее нарушение образует состав самостоятельного преступления.

Вторая позиция основана на отнесении административной преюдиции к признакам объективной стороны. В соответствии с ней в состав преступления включается не только повторно совершенное деяние, но и первое правонарушение, то есть после совершения второго нарушения и образования состава преступления первое нарушение утрачивает самостоятельное юридическое значение. Соответственно, третье нарушение должно в этом случае оцениваться как административный проступок [9, с. 317].

По нашему мнению, более обоснованной является первая позиция, поскольку включение в состав преступления деяния, за которое лицо уже было наказано в административном порядке, означает, по

сути, повторное вменение в вину деяния, за которое уже было наложено взыскание. А это противоречит принципу справедливости. Кроме того, третье и последующие совершенные нарушения характеризуют устойчивость антиобщественной ориентации виновного. Соответственно, привлечение данного лица в рассматриваемом случае к более мягкому виду юридической ответственности выглядит просто нелогичным¹.

Вместе с тем и в первом подходе к оценке систематичности нарушений можно усмотреть один существенный недостаток, который, как представляется, требует законодательного разрешения. Существование субъекта преступления, содержащего признак административной преюдиции, ограничено годичным сроком, в течение которого лицо считается подвергнутым административному взысканию. В связи с этим лицо, имеющее судимость за преступление с указанной преюдицией, но совершившее деяние по истечении года после наложения административного взыскания за первое правонарушение, подлежит административной ответственности. Для устранения указанного противоречия ст. 317-1 УК следует дополнить указанием на лицо, ранее совершившее такое же преступление. Также отметим, что если осуждение лица по ст. 317-1 УК было связано с назначением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, то нарушения, совершенные в течение срока указанного наказания, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 417 УК «Неисполнение приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Второй вопрос, возникающей в практике квалификации преступлений с административной преюдицией, связан с исчислением годичного срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному взысканию. По общему правилу, предусмотренному ч. 1 ст. 11.12 ПИККоАП, постановление о наложении административного взыскания вступает в законную силу и приобретает роль юридического факта по истечении срока, установленного на обжалование и опротестование, если оно не было обжаловано (опротестовано) в установленном порядке. Соответственно, лицо считается подвергнутым административному взысканию лишь с момента истечения 10 суток со дня объявления ему постановления о наложении административного взыскания или вручения (получения) копии постановления (ст. 12.4 ПИККоАП). А в случае, если постановление о наложении административного взыскания было обжаловано или опротестовано, то о наличии административной преюдиции можно вести речь лишь с момента принятия компетентным органом окончательного решения по жалобе или протесту (ст. 12.10 ПИККоАП). Все нарушения, совершенные лицом до момента вступления постановления о наложении административного взыскания, должны рассматриваться как совершенные повторно административные проступки даже в том случае, если к моменту принятия решения по второму и последующим деяниям решение о наложении административного взыскания вступит в законную силу. Это вытекает из буквального толкования норм о преступлениях с административной преюдицией, которые требуют совершения деяния в течение года именно после наложения административного взыскания.

Исключение составляют случаи наложения административного взыскания в виде административного ареста, постановление по которому приводится в исполнение и, соответственно, вступает в силу немедленно после вынесения (ч. 2 ст. 11.12 ПИККоАП). В этой связи вряд ли можно считать обоснованным привлечение к уголовной ответственности и осуждение Т., который был задержан за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения всего через четыре дня после наложения на него административного взыскания за аналогичное правонарушение [1].

Приостановление исполнения постановления о наложении административного взыскания, которое может иметь место в порядке, предусмотренном ст. 12.6 ПИККоАП, как представляется, не влияет на исчисление годичного срока, поскольку во внимание принимается именно момент вступления указанного постановления в законную силу. Естественно, речь не идет о случаях рассмотрения жалоб (протестов), повлекших полную отмену постановления о наложении взыскания и аннулирования тем самым юридического факта наложения административного взыскания. Наконец, административная преюдиция исходя из текста ст. 317-1 УК предполагает совершение *«таких же нарушений»* (курсив наш. – А.С.). Последний признак также вызывает разногласия в толковании.

¹ Среди практических работников получило также распространение ошибочное толкование выражения «однократная административная преюдиция» как указания на возможность только разового использования признака административной преюдиции для привлечения виновного к уголовной ответственности. Следуя такой логике, по статьям о преступлениях с двукратной административной преюдицией (например, ст. 371-2 УК) виновный может привлекаться к уголовной ответственности уже два раза, что, конечно же, неверно.

Некоторые авторы склонны толковать данный признак исходя из полной тождественности первого и последующего деяний. Иными словами, управление транспортным средством в состоянии опьянения не является тождественным последующей передаче управления лицу, находящемуся в указанном состоянии [2, с. 97–98].

Другие ученые исходят из того, что в ч. 1 и 2 ст. 18.16 КоАП помещены две самостоятельные нормы, которые находятся в преюдициальной зависимости, соответственно, с ч. 1 и 2 ст. 317-1 УК. В таком понимании лицо, лишенное права управления транспортным средством на основании ч. 1 ст. 18.16 КоАП, которое в течение года будет вновь уличено в управлении транспортным средством в состоянии опьянения, не может быть привлечено к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 317-1, а подлежит ответственности по ч. 2 ст. 18.16 КоАП [3, с. 37].

По нашему мнению, трактовка понятия «таких же деяний» должна строиться на принципах повторности, описанных в ст. 2.5 КоАП и ст. 41 УК. Иными словами, деяния, предусмотренные в обеих частях ст. 18.16 КоАП, так же, как и деяния, предусмотренные в обеих частях ст. 317-1 УК, представляют собой единые правонарушения, дифференцированные по признакам субъекта.

Соответственно, независимо от того, по какой части ст. 18.16 КоАП наложено административное взыскание, любое новое нарушение, совершенное в течение года после этого, должно влечь уголовную ответственность по ст. 317-1 УК.

Субъектом преступления, предусмотренного в ст. 317-1 УК, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Согласно ч. 1 данной статьи субъектом является лицо, обладающее правом управления транспортным средством соответствующей категории, независимо от наличия либо отсутствия у него водительского удостоверения (удостоверения тракториста-машиниста или временного разрешения на право управления транспортным средством), например, когда виновный утерял данное удостоверение или скрыл его. В случаях, когда совершение преступного деяния было связано с использованием транспортных средств, право на управление которыми предоставляется по достижении 16-летнего возраста (мопедов, мокиков и т. д.), ответственности по ч. 1 ст. 317-1 УК подлежит лицо, обладающее признаками общего субъекта преступления.

В специальной литературе выражалось мнение о нежизнеспособности ч. 1 ст. 317-1 УК, основанное на логичном предположении о том, что лицо, привлеченное ранее к административной ответственности по ст. 18.16 КоАП за любое из рассмотренных выше деяний, должно полностью лишиться имеющегося у него права управления любыми видами транспортных средств [8, с. 63]. Однако в правоприменительной практике получила распространение иная точка зрения, в соответствии с которой лицо лишается права управления транспортными средствами исключительно той категории, к которой относился предмет правонарушения. А в случае, если виновное деяние было связано с управлением мопедом, взыскание в виде лишения права управления транспортными средствами не применяется вообще. Данный подход основан на ограничительном толковании санкции ч. 1 ст. 18.16 КоАП, в которой оговаривается лишение права управления транспортным средством, тогда как, например, в ч. 1 ст. 18.17 КоАП речь идет о лишении права управления транспортными средствами. По нашему мнению, в данном случае для обозначения взыскания одного вида законодателем не совсем удачно был использован термин как в единственном, так и множественном числе. Иначе на основе толкования санкции ч. 1 ст. 18.16 КоАП можно прийти к абсурдному выводу о возможности лишения лица права управления исключительно тем транспортным средством (конкретным автомобилем, мотоциклом, автобусом и т. д.), с участием которого было совершено правонарушение.

Предоставление права управления мопедом без квалификационного экзамена (ч. 7 ст. 26 закона Республики Беларусь от 5 января 2008 г. № 313-З «О дорожном движении» [4]) не означает, по нашему мнению, что этого права нельзя лишить в случае грубого нарушения порядка пользования им, выразившемся, например, в управлении данным транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, поэтому административная практика в отношении таких лиц требует пересмотра.

По ч. 2 ст. 317-1 УК подлежат ответственности лица, не имеющие права управления транспортным средством. К таковым следует относить как лиц, не получивших в установленном порядке водительского удостоверения на право управления транспортным средством соответствующей категории, так и лиц, лишенных данного права в соответствии с законодательством. По ч. 2 ст. 317-1 УК подлежат ответственности также лица, не прошедшие своевременно медицинское переосвидетельствование, поскольку данное обстоятельство согласно ст. 34 закона Республики Беларусь от 5 января 2008 г. № 313-З «О дорожном движении» влечет прекращение права на управление транспортным средством. Аналогичным образом к числу субъектов ч. 2 ст. 317-1 УК относятся лица, у которых истек срок действия водительского удостоверения (ч. 2 ст. 27 закона Республики Беларусь «О дорожном движении»).

Предложенное толкование круга субъектов ст. 317-1 УК и аналогичной ей по содержанию ст. 18.16 КоАП носит дискуссионный характер. В частности, предлагая игнорировать различия в категории транспортных средств при принятии решения о лишении лица права управления ими, мы, учитывая положения ч. 1 ст. 6.8 КоАП, вынуждены учитывать категорию транспортного средства, с использованием которого произошло правонарушение, в процессе квалификации деяния виновного по ч. 1 либо 2 ст. 317-1 УК (ст. 18.16 КоАП).

Наилучшее решение в данном случае, мы считаем, замена такого вида административного взыскания, как лишение права управления транспортным средством, на запрет управления транспортным средством, которое могло бы применяться как к лицам, обладающим правом управления транспортным средством, так и не обладающим им и подразумевало не только лишение виновного имеющегося у него права, но и запрет на управление любым транспортным средством в течение определенного срока. Данное законодательное решение позволит устранить неудачную дифференциацию ответственности лица в зависимости от наличия либо отсутствия у него права на управление транспортным средством, поскольку за управление транспортным средством в отсутствие такого права либо передачу управления транспортным средством лицу, не имеющему права управления, предусмотрена самостоятельная ответственность по ст. 18.19 КоАП. Таким образом, предлагаемое изменение позволит исключить ч. 2 ст. 18.16 КоАП и ч. 2 ст. 317-1 УК и связанные с их наличием проблемы квалификации и ответственности.

В завершение хотелось бы подчеркнуть необходимость взвешенной и рациональной правовой оценки рассматриваемых нарушений. Так, во всех случаях привлечения к уголовной ответственности необходимо проверять обоснованность предшествующего привлечения лица к ответственности по ст. 18.16 КоАП и не исключать возможность оценки повторного нарушения как малозначительного деяния на основании ч. 4 ст. 11 УК (например, виновный загонял автомобиль во двор своего частного дома или перемещал транспортное средство в пределах этого двора). Наконец, нельзя исключать возможность управления транспортным средством в состоянии опьянения или передачи управления транспортным средством лицу, находящемуся в таком состоянии, при наличии обстоятельств, исключающих признание деяния правонарушением: крайней необходимости, необходимой обороны и др.

Таким образом, решение существующих проблем и уголовной, и административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, передачу управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, и отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния опьянения состоит не только в обеспечении единообразного понимания признаков данных правонарушений, но и в законодательной корректировке последних.

Библиографические ссылки

1. 33-летний минчанин осужден за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения [Электронный ресурс] / Ген. прокуратура Респ. Беларусь. 2008. Режим доступа: www.prokuratura.gov.by/?guid=13399. Дата доступа: 05.07.2008.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова. Минск : Тесей, 2003.
3. Марчук, В. Новый КоАП Республики Беларусь и квалификация преступлений, обусловленных административной преюдицией / В. Марчук // Юстиция Беларуси. 2007. № 2.
4. О дорожном движении : закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2008 г., № 313-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2008. № 14.
5. О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях : постановление Пленума Верхов. Суда СССР, 6 окт. 1970 г., № 11 // КонсультантПлюс: Документы СССР [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс» М., 2007.
6. Положение о порядке проведения медицинского освидетельствования иных лиц для установления факта употребления алкоголя, наркотических и токсикоманических средств и состояния опьянения : утв. постановлением М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 18 фев. 2003 г., № 10 : в ред. постановления М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 27.06.2006 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2007.
7. Положение о республиканской врачебно-контрольной комиссии медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя, наркотических и токсикоманических средств и состояния опьянения : утв. постановлением М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 18 фев. 2003 г., № 10 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2007.
8. Сахарчук, А. Деяния, связанные с управлением транспортным средством лицом в состоянии опьянения (ст. 317-1 УК) / А. Сахарчук // Суд. весн. 2007. № 1.
9. Уголовное право БССР : учебник : в 2 т. / И.И. Горелик [и др.] ; под. общ. ред. И.С. Тишкевича. Минск : Выш. шк., 1978. Т. 2 : Часть Особенная.